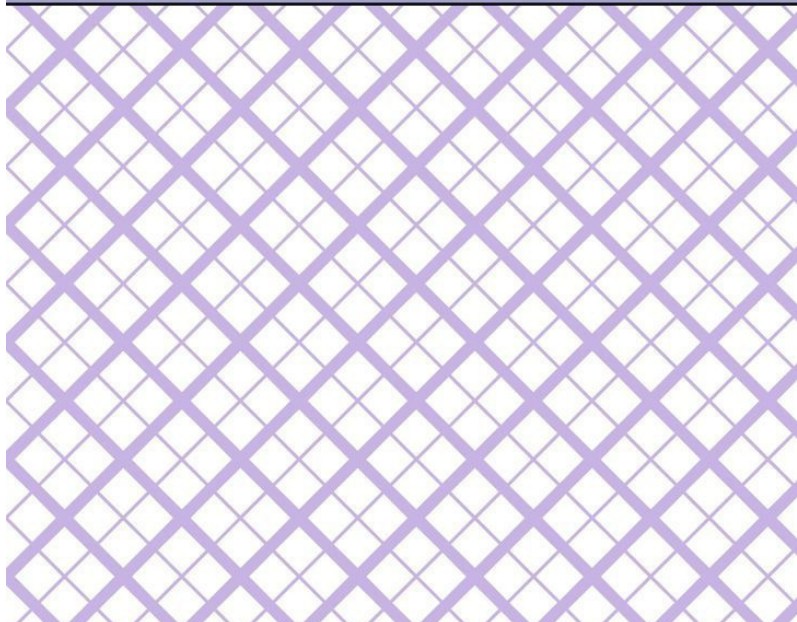

18+ Петр Овчинников

Сапоговские рулады

Петр Овчинников

Сапоговские рулады

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64771586

ISBN 9785005355539

Аннотация

Рассказывается о жизни в российской глубинке на примере главного героя работающего в торговле, что позволяло ему общаться со всеми слоями тогдашнего общества. Имеется в виду период сравнительно длительного правления Леонида Ильича. Написано хорошим, живым литературным языком.

Содержание

Сапоговские рулады	5
Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сапоговские рулады

Петр Овчинников

© Петр Овчинников, 2021

ISBN 978-5-0053-5553-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сапоговские рулады

От автора

Российские поселения похожи друг на друга не своей архитектурой, а образом жизни и мыслей граждан, проживающих в них, поэтому, при кажущейся читателю некой узнаваемости отдельных действующих лиц повествования, аналогии проводить бессмысленно. Это собирательные образы людей, встретившихся на пути Вашего покорнейшего слуги, совпадения случайны.

Предисловие

Серёга летом просыпался в радостном ожидании грядущих событий, зимой такого не было. Их деревянный старый дом к моменту его пробуждения ещё не успевал нагреться от протопленной стараниями Озеровых старших печки, поэтому вылезать из тёплой кровати смертельно не хотелось. Но на дворе стояло лето, в школу идти не надо, родители уже ушли трудиться во имя светлого будущего, живи- не хочу! Мальчонка выскочил из-под одеяла, подбежал к окну и встретился взглядом с петухом. Это был их петух, оба хорошо знали друг друга и не любили. Кочет в своё маленькое тельце вмещал много злобы, необоснованной ревности, выплёскивая их на любого представителя мужеского пола? приблизившегося к курам. В случае появления во дворе слона, тот неминуемо бы подвергся атаке. Храбрец, увидев в окне Сергея, немедленно налился ненавистью, его шейка превратилась в посудомоечный ёршик, глаза от отваги выкатились, ноги напряглись, он весь устремился ввысь и заорал благим матом. Серёжка плюнул в петуха и подошел к другому окошку, выходящему на улицу, но там кроме пьяного дяди Вани, докладывающего несуществующим слушателям, что он маненечко выпил и бегущего с обрывком цепи на шее жаждающего любви кобеля никого не оказалось. Друзья гулять ещё не вышли, соседские девчонки тоже сидели по до-

мам. Занавески в доме напротив были раздвинуты, мальчонка напряг зрение, пытаясь рассмотреть внутренности жилища дьякона, проживающего там с дьяконицей и сыном отроком. Но не они интересовали октябрёнка, а внучка служителя культа- Настенька. Жила она в Москве, летом же гостила у дедушки с бабушкой в Сапогове, вызывая тщательно скрываемое восхищение у сапоговских пацанов. Озеров младший при всём своём октябрятском атеизме думал, что такое божество возникло в их Сапогове исключительно благодаря вмешательству свыше, чему, наверное, посодействовал дьякон, каждодневно общающейся с небесным Владыкой. Наконец, ему повезло на мгновенье увидеть Её. Серёнька покраснел от стыда быть застигнутым за подглядыванием и отпрянул в глубину интерьера, наступив при этом на хвост Уське, которая неожиданно и противно мявкнула, выбив из головы влюблённого чудесный образ. Получив поджопника кошка пулей унеслась в сени, а Серёга подумал о хлебе насущном.

С улицы раздался свист и призывы выходить гулять. Сигналы подавал Вовка-пупок, прозванный так за выпирающий пуп. Летний день начался. Ребятня потихоньку стала выдвигаться на улицу, но все маленькие мужички с трепетом ждали появления Насти. Вела себя дьяконова внучка доброжелательно, никак не подчеркивая внешнего превосходства, а оно всё равно ощущалось. Стоило любому пацану увидеть свою конопатую рожу в зеркале и становилось явным, что отражение не даёт никакого шанса в деле завоевания деви-

чей благосклонности даже при наличии богатейшего внутреннего содержания смотрящего.

Всё лето маленький Сергей Ильич пребывал в сомнабулическом состоянии патологической влюблённости. Наступление осени спасло меджнуна от истощения и увядания во цвете детства: девочку позвала московская школа, мальчика – сапоговская. Не стоит портить настроения читателю описанием страданий несчастного пятиклассника, ограничимся сообщением- ему удалось успешно перейти в следующую ступень и даже подрасти. По мере приближения каникул напряжение от ожидания возвращения Настеньки в Сапогово стремительно нарастало и достигло пика в день приезда, о нём уличная пацанва разведала от сына дьякона- Алексиса. В этот долгожданный день мальчишки не смели далеко отлучаться от жилища дьякона, томясь от ожидания. Первым увидел показавшуюся вдали «Победу» Валюнчик, остальные определили это по его остекленевшему взгляду и воззрились в ту же сторону. Сердечко Серёги чуть не выскочило наружу, когда открылась дверь машины, но при виде вылезавшей из салона долговязой девчонки, он от удивления открыл рот. Так же сделали и Валюнчик, и Пупок, и Гешка и даже флегматичный, с вечной соплёй под носом, Колька. Природа сотворила с внучкой дьякона возрастную шутку- прекрасное создание превратилось в обычное. И одновременно было тем же самым! Все удивились и побежали купаться на Сапоговку, шлёпая босыми ногами по пыльной дороге в пред-

вкушении предстоящего удовольствия.

Часть 1, в которой Сергей Ильич повествует о жите-бы-тье, своём и сапоговцев.

Глава1 Я не знал, что дуб такой крепкий.

Окончив институт Народного хозяйства мы, мелкие птахи, с орлиными дипломами, прикрутили к лацканам значки и смело выпорхнули из Альма Матер. Мир лежал под моими растоптанными ботинками, услужливо распахнув свои прелести. Стипендия, обычно подверженная мучительному месячному растяжению, приговорённая к смертной казни в ознаменовании судьбоносного события, придавала необычную уверенность поступкам и поведению. Однокашники шлялись по Москве, сияя как солдатские пряжки, иногда забредали в рестораны и захлёб говорили о радужных перспективах. Расходясь, обменялись адресами, заверениями в вечной дружбе, да больше и не виделись.

Попросился я в родной городишко. Квартира, слава Богу, уже имелась, правда, небольшая, но всё свой угол. Предложили магазин. Предложение выглядело закономерным после окончания факультета в Плешке и моему статусу женатого мужчины. Представлял меня коллективу начальник отделения орса / в своё время там же обучался/, процедуру завер-

шил за пять минут и убыл в неизвестном направлении.

Надо признаться, до сего ответственного момента к практической торговле отношение я имел, как малоимущий покупатель. Кошель мой был тощим, костюм коричневый единственным, да и прочие части туалета своим количеством не поставили бы в тупик собачку, изумляющую цирковую публику математическими способностями. В торжественные моменты костюм извлекался из шкафа? и я изрекал- пожалуй, подойдёт этот! Сейчас же оставшись один на один с первыми своими подчинёнными, да ещё противоположного пола мне было не до юмора. Надо что-то говорить, но путного кроме идиотского – «ну, что тебе сказать про Сахалин-на острове прекрасная погода» в башке ничего не возникало. Затянувшуюся паузу нарушила толстая тётка в замусоленном халате- «Простите, Сергей, а дальше как?». – «Ильич, а Вас?». – «Тоня» -представилась сорокалетняя баба. «Тогда меня можно просто Ильичом». – Как к Ленину? – подключилась красивая брюнетка в шелковом халатике с замысловатой монограммой. Почувствовав, что инициатива начинает ускользать, так и не побывав в моих руках, я мучительно соображал, как ею завладеть. Не дождавшись ответа, чертовка засмеялась, показав белые, с влажным блеском зубы. Уразумев, что в этом противостоянии сила на их стороне, ничего не оставалось, как глубокомысленно удалиться в кабинет. Очувтившись в одиночестве сидел и думал- что делать с этими бабами? Из раздумий вывел телефонный звонок-«Ни-

на Петровна, приветствую» - пророкотал мощный уверенный бас. – Сам ты Петровна- Ответил я хоть и не таким густым, но всё же мужским голосом. – Ты кто? - озадаченно спросили на том конце провода. – Ильич я. Вместо Петровны! – Сначала говорить научись с руководством, потом за телефон хватйся. Понасажают, понимаешь, без согласования! – Разозлившись после Ленина и Нины, запальчиво ответил- А тебе телефон без надобности- твой рёв во всём Сапогове слышно! – Бросив трубку, решил остыть и пройтись по вверенному предприятию. Забрёл в кабинет заместителей. Познакомились- Ольга Васильевна Непряхина и Лидия Прохорова Колупанова. Ольга Васильевна- шустрая, лет пятидесяти, с пронзительным изучающим взглядом живых синих глаз. Вторая по моложе – полная блондинка в халате с закатанными рукавами и мордой, о какой принято говорить- просит кирпича.

– Как работается, товарищи? – тон моего вопроса исключал и намёк на панибратство. – Что на базе дают, то и продаём, – заявила мордастая. – Некоторые сложности, конечно, есть, в общем, Сергей Ильич, всё узнаете, если у нас задержитесь, -выдала вдруг Ольга Васильевна, пронзив синим опытным взглядом. Опешив от её предположения, покинул дам и пошёл знакомиться с хозяйством. В разрубочной, наконец, встретил мужика в черной спецовке, которого раньше не видел и обрадованно пожал его мозолистую, натруженную руку. – Сергей Ильич, а тебя? – Иван Василье-

вич, – с достоинством отвечив, как оказалось, рубщик мяса и спец по устранению всевозможных неполадок. Господи, одни индивидуальности, как я ими руководить-то буду? Или они мной? Надо срочно утвердиться в глазах Василича и всех остальных. Но как?

Под впечатлением обстановки разрубочной вспомнил доцента Габрильянца, который, кроме всего прочего, говаривал: – Колода для разруба, уважаемые коллеги, должна быть аккуратно опиленной, гладкой и посыпанной солью, дабы на ней не было места микроорганизмам! – Колода, на которую смотрел я и под моим взглядом туда же воззрися Иван Васильевич представляла из себя здоровый дубовый пень, посыпанный, как полагается солью. Но аккуратного опиала не было! Поверхность её соприкосновения с мясом оказалась вся выщербленной, с вогнутой серединой, то есть была идеальным прибежищем для всяческих болезнетворных бактерий! – Пенёк-то не в кондиции, не хорошо, братец! — Ты прав, Ильич, его пилить пора. – Он почему-то назвал меня Ильичом и- на ты! Завоёвываю авторитет, признал специалиста! Надо закреплять! – Чего откладывать, раз непорядок. Неси пилу, это дело наше мужицкое! – Иван с любопытством на меня посмотрел, но ничего не сказав, удалился за инструментом.

Зайдя в кабинет к замам, я заменил белый халат на чёрный, буднично поведав, что надо опилить мясную колоду, а то она имеет совсем nepотpeбный облик. Ольга Васильевна

говорит, как бы только для ушей Прохоровны- вот, что значит хозяин появился! – Сделав вид, что не слышу, я направился наводить порядок.

Василич уже ожидал. Пень оказался таким тяжелым и на таком большом основании, что никак не хотел ложиться на бок. Все наши усилия успехом не увенчались, пришлось звать подмогу. Иван привёл троих здоровенных грузчиков- Валу, Тоню и Жанну, с их помощью мы всё- таки скovyрнули дубовую глыбу, чему немало радовались. Тётки ушли грузить, а мужики, поплевав на руки, начали пилить. После первых движений сложилось впечатление, что не пила пилит колоду, а она пилу. Я не предполагал, что дуб такой крепкий. Тем не менее, проелозив с час, удалось маленько заглубиться. Меня охватил ужас- ведь это вершинка, закругление, что же будет потом на более широком месте? Но отступить должность не позволяла. Иван напоминал шатун, присоединённый к вечному двигателю, взгляд его был холоден и беспощаден. Мы давно сняли чёрные халаты, а я ещё и коричневый пиджак с рубашкой / у Василича под халатом кроме штанов ничего не было/ и с упорством помешанных, обливаясь потом, водили пилой, но запил практически не увеличивался. На странные звуки с любопытством заглядывали продавщицы, но поймав мой затуманенный взор, испуганно исчезали. Так длилось до обеда.

Дома ждали. Услышав шаги жена выбежала навстречу с радостным возгласом :- Директор, кушать подано! –

Но увидев вместо преуспевающего коммерсанта жеваную, помятую фигуру остановилась, как вкопанная. – Ты что, дрова рубил? – Чуть-чуть не угадала. Пилил с Иваном Василичем. – Я обессиленно сел на стул. – Выпил сразу в первый рабочий день? – И Вера, закрыв лицо фартуком, тоненько завывала. — Чокнулась? На понюхай, – подышав для убедительности в нос благоверной, я сбивчиво объяснился. В те времена врать жене поводов ещё не было. Перекусив, поехал на автобусе в магазин с нехорошим чувством в душе и в отвратительном физическом состоянии.

Пока я брёл к мерзкому пню, члены моего коллектива старались быстрее прошмыгнуть мимо, боязливо отводя глаза, как от бесноватого. Глядя на дубовую гору с жалкой царпиной и тонким слоем древесной пудры на полу рядом, мне стало понятно, чем придётся заняться в ближайшие годы. С безысходностью рабочего мула занял исходную позицию, но моего одиночества никто не нарушал. Спасовал Ванька! Оно и к лучшему. С этой утешительной мыслью я поплёлся к заместителям. За столом сидела одна Ольга Васильевна-торговая неделя была её, а потому Лидия Прохоровна покинула чужую территорию. – Куда Иван пропал? Я уж заждался – а про себя подумал – что б ты провалился. – За бензопилой пошёл, он всегда ею опиливает. Почувствовав, что краснею, проклял свою идиотскую инициативу. С быстрым авторитетом не получилось. От стыда решил скрыться у себя. В коридоре напоролся на Ивана с бензопилой. – Ты, Ильич,

отдыхай, но не зря с тобой старались- запил сделали. Теперь сразу войдёт – Проямлив что-то, я с деловым видом прошёл мимо, но сволочному Василичу решил отомстить за издевательство.

Впредь, Серёга, обходись без экспромтов и действия совершай только после предварительного анализа. Здравое решение натолкнуло на изучение содержимого стола и своего рабочего места. Телефон я поспешил отключить, боясь снова вляпаться в историю. Около стола стоял стул с подушечкой в горошек, её предшественница подкладывала для нежного ощущения при сидении. Двустворчатый платяной шкаф, ещё два стула, пустая полка и портрет Леонида Ильича при полном параде завершали нехитрую мебелировку. На окне благоухали какие-то легкомысленные цветочки, они явно не вязались с решеткой на нём. Наслышанный о рисковости торговой профессии в нашем отечестве я подумал, что это суровое напоминание дало возможность Нине Петровне доработать до пенсии.

Со священным трепетом выдвинул верхний ящик стола и обнаружил в нём книгу жалоб, на которой лежал засохший кусок колбасы. Стоп! Когда меня начальник презентовал книга была в торговом зале, зачем её убрали?

Я решительно направился водружать этот важный документ в месте, доступном «советскому покупателю». По пути из любопытства заглянул в «мясную». Колода стояла уже вертикально и выглядела по-габрильянцу. Иван Васильевич

сидел на ней и пил пиво из горлышка. – С устатку Ильич, Васильевна угостила. – Про угощение в институте не обучали, пришлось сориентироваться на месте и показать своим видом, что затем и зашёл, дабы сделать умельцу аналогичное предложение.

Выйдя в зал /халат я снял, чтобы слиться с народом, которого побаивался/, направился к законному месту книги, но приблизившись, по дуге взял курс обратно, чуть не сбив с ног маленькую старушонку, которая гневно обвиняла в воровстве девицу за прилавком, требуя подать «жалобную книгу». Она из-за маленького росточка не могла до неё дотянуться. Да, к моему изумлению, книга, которую я вроде нёс, оказалась на месте!

Отделавшись от скандальной бабушки, ибо оскорблённая толчком, боевой пыл она перенесла на меня, скрылся в недосягаемой зоне. Бабка заронила зёрна озлобленности к себе, а в своём лице и ко всем покупателям, хотя покупатель, как известно, всегда прав. Но в данном случае, с этой догмой я не мог согласиться: отвратительная старуха обозвала меня сопливым засранцем. Кое-как успокоившись, пошел прояснять обстановку с книгой к Непряхиной. Поистине, сегодняшнее расположение звёзд мне не благоприятствовало.

– Сергей Ильич, мы поразмыслили и вторую завели. Зачем, позвольте спросить, реагировать на бред какого-то прощелыги? Его, видите-ли, не так обслужили! – Ольга Васильевна брезгливо поджала губы и налила себе стакан пи-

ва. – Купил- и выкатывайся. Нет! Нагадить в книгу ему надо. Пусть испражняются в одну, а эта для приличных людей. – А если вскроется обман? Отвечать директору, – я не заметил, как смирился с двусмысленной ситуацией и искал путь, чтобы за это не отвечать. – Вы не волнуйтесь, Сергей Ильич, нас заранее предупреждают о набеге проверяющих, книжонки меняем местами- и дело в шляпе! – Я оказался в тупике. По правилам- вариант один: изъять «левый» экземпляр без шума- баста. С другой стороны, получится, что моя предшественница благодарности собирала, как грибы, а с моим появлением обслуживание многоуважаемых «советских» покупателей резко ухудшилось! – Ладно, пока оставим всё на своих местах, там видно будет, но этот экземпляр доверяю вам. Ольга покрутила образцовой книгой у себя перед носом и собралась восвояси. – Минутку, вы не знаете маленькую, противную старушку, она ругается с продавцом из бакалеи. Надо с этим разобраться, позовите её. —Кого? – Только не бабушку. – Там Даша Черданцева, – сейчас.

При ближайшем рассмотрении, Дарья оказалась эффектной брюнеткой с черными, весёлыми глазами. – Что там у вас произошло? – Спросил я тоном кондового руководителя. Девушка пренебрежительно передёрнула плечиками, подчеркнув тем самым незначительность темы, не заслуживающей внимания серьёзных людей. —Не удивляйтесь, это мои трудовые будни, на языке городской газеты- напряженный ритм строительства коммунизма! – Давно её знаем- это Праско-

вья, – вмешалась в разговор Непряхина. – Я не разобрала, она и вам чего-то сказала, -. не удержалась подковырнуть меня продавщица. – Разве, а мне и ни к чему! – Надо прекращать, пронеслась тревожная мысль. – Как же всем надоела эта старая проститутка, – Дашка злобно сверкнула вылетевшими из глаз черными молниями. Да... женщины сложные создания. Опять, в который уже сегодня раз, я был в затруднении: с одной стороны, будучи директором, должен отреагировать на жалобу клиента, с другой- как проверить её объективность? В том, что агрессивная старуха находится в плену заблуждений сам убедился.

В институте представлялось всё в ином свете. Работа пылливой коммерческой мысли, всевозможные усовершенствования в области повышения уровня удовлетворения запросов своих сограждан. Да, мало ли чему нас обучали наивные педагоги. На душе стало грустно и муторно. Первый день моей купеческой деятельности явно не удался.

Глава2 Беседа с начальником развеяла туман

Магазин наш слыл самым престижным в Сапогове и богатым разнообразием товаров и их отменным качеством. Сие обстоятельство объяснялось не удивительными предпринимательскими способностями работников, а принадлежностью его к Орсу при секретном заводе. И «почтовый ящик», и возведённый им жилой район находились в городской черте, но обособленно от традиционной застройки. – На автобусе добираться до автономии минут пятнадцать, а для на-

шей сонной провинции это солидное расстояние. Тем не менее, в день «привоза» колбасы, оголодавшие сапоговцы утрачивали привычную апатию и, набившись в городской транспорт, ехали париться в очереди.

Посёлок был ухоженный, весь в зелени, дороги и тротуары асфальтированы, на каждом углу стояли урны. После обшарпанного, вечно перекопанного старого города, он казался чистотой, порядком, необычной для российского глаза логичной завершенностью. Это была вотчина Предприятия, оно / в силу особой народнохозяйственной важности и подчинённости «непосредственно» / жило своей таинственной, загадочной для городского обывателя жизнью. Продукция «ящика», правда, не могла заинтересовать Цру – итогом подвижничества славного коллектива являлись сборно-разборные деревянные домики. Но для нужд министерства «Среднего машиностроения»!

Слух о моём водворении в «колбасном» быстро разнесся по голодным окрестностям, что я и ощутил по возникшему к моей скромной персоне меркантильному интересу со стороны родных и знакомых, которых в изобилии имел, как уроженец этой местности. Пришлось от народа прятаться в подсобных помещениях, ибо с продовольственной программой не смогла управиться сама Кпсс. Приём оказался удачным: перестали здороваться, одолевать просьбами, заискивающе лебезить и узнавать. В довершение ко всему стал преследовать кошмар: окровавленная бабушка из торгового зала хо-

чет отрубить мою голову, а Иван Васильевич говорит подняв палец: – После разруба поверхность колоды не забудь аккуратно очистить и посыпать солью! – Я вскакивал, дико озирался, с трудом возвращаясь в реальность.

Но всё познаётся в сравнении: вспомнил «заводскую проходную, что в люди вывела меня» с толстыми военизированными тётками, стоящими на страже пропускного режима, и стало легче. Однажды, всех рассмешил слесарь Груздев. Его жена не пустила собственного мужа без пропуска, который тот забыл дома. —Ты меня не узнаёшь? Это я Костя! – взывал к благоразумию женщины, рвущийся потрудиться Константин. – Не имею права, гражданин, предъявите документ! – Так и не прошел. Супруге объявили благодарность за принципиальность, а Груздь развёлся. Весь завод смеялся.

Слава богу, всё проходит. Моё положение материально-ответственного директора упрочилось. Незаметно возникли обязанности заботы, относящиеся сугубо к компетенции первого лица и в этот круг никто не вторгался. Я старался изучить дамские характеры своих подчинённых, не предоставляя им аналогичной возможности, оставаясь невозмутимым и ровным.

Наконец, последовал телефонный звонок начальника с приглашением на приватную беседу. До вызова приходилось с ним сталкиваться по служебным делам, но, так сказать, в группе товарищей: на совещаниях, собраниях

и других, нацеливающих на трудовые подвиги мероприятиях. Шеф /представительный господин в соку, одетый во всё заграничное с блестящим лысым черепом/ создавал впечатление доброжелательного неплохого человека. И сейчас Борис Евгеньевич встретил приветливо, пожал руку и распорядился подать кофейку. – Я к тебе, скажу откровенно, долго приглядывался и пришел к выводу- ничего парень! Надеюсь на обоюдность, – Осетров при личном контакте сразу поражал открытостью и увлекающей собеседника убежденностью, не оставляющей сомнения в своей искренности.

Кабинет начальника выгодно отличался от моего. Всё было выдержано в деловом тоне, ничего лишнего. Сделанные на заказ письменный стол, стулья, журнальный столик, стенные панели под дуб, вызывали уважение к хозяину. Паркетный пол в меру укрывался шерстяным ковром. На обитателей помещения, как положено, строго взирал Владимир Ильич. Борис Евгеньевич являлся заметной фигурой в нашей глухомани, своим столичным видом и манерами он невольно подчёркивал убогость провинциальных руководителей, /многих из них я знал, ибо и мои родители относились к престижному клану столпов общества/. Бориса в Сапогове недолюбливали, он был явно из другой стаи и попал в наши не столь отдалённые от столицы места за какие-то провинности, воспринимая настоящее положение, как нонсенс. Семья осталась в Москве, а шеф отбывал ссылку, пользуясь свободой по возможности весело, не изнуряя себя великими слу-

жебными бдениями. — Располагайся, Сергей, не буду спрашивать о первых впечатлениях, не такие они оригинальные, чтобы поразить моё воображение, лучше дам ряд советов, если не глупый парень учтёшь их и быстро сориентируешься. Не возражаешь? — Сочту за честь и обращаюсь в слух! — Меня обещают скоро в главк перевести, и так задержался в вашей дыре, посему темнить смысла нет. Тебе же здесь на первых порах обкататься полезно, — шеф смягчил оценку моей стартовой ситуации. Превратившись в уши, я старался извлечь всё полезное, пользуясь накатившей на Бориса Евгеньевича волной откровений. Скорее всего, ему в окружении женщин не с кем было вот так непринуждённо поговорить. — Во-первых, осмотришь, проясни обстановку и постарайся понять, кто чем дышит, включая всех, вплоть до уборщицы. И запомни, Серёга, они, в свою очередь, рассматривают тебя и находятся в лучшей позиции- объект изучения всегда у кого-то под прицелом и всего один. Учтут любую мелочь, так что их быть не должно. — Я согласно кивнул, преданно глядя на Осетрова. — С бабами не связывайся, догадываешься о чём говорю? В этом смысле мы мало чем отличаемся от французов и наши «ля фамы» сгубили не одну буйную голову. — Начальник потрогал себя за голое темя, из чего я молча сделал вывод, что он не является исключением из интернационального правила.

— А в магазине есть занятные, обратил внимание? — Красивую Дарью не заметить мог только кастрированный сле-

пой, но моя буйная голова была занята осмыслением новой жизненной ситуации, которую надеялся прояснить с помощью отбывающего в иные сферы руководителя. – Не до этого, Борис Евгеньевич. – Бросив недоверчивый взгляд, шеф продолжал-, с бумажками поди уже освоился? Ну, а кухню раскроет Ольга Васильевна. Кстати, хочешь иметь «копеечку», подружись с ней. – «Копеечку», как человек, живущий в мире товарно-денежных отношений, я иметь хотел и совет запомнил, но немного удивился прямолинейности руководства.

Патрон закурил и предложил мне сигарету. – Когда, скажи, успел нахамить Бакману? Сильно разорвался по твоему адресу. – Поперхнувшись дымом я вопросительно уставился на визави. О Бакмане слух до меня не успел докатиться. — Не понял! – Говорил на тонах с кем по телефону? – Вроде было давно, забыть уже успел. Какой-то беспардонный басилка звонил в день моей премьеры. – И что ты ему ляпнул? – Ничего особенного, он первый начал. – Врага ты себе нажил, Сергей Ильич. – Бакман оказался заместителем директора комбината, торговым обслуживанием которого мы в поте лица занимались.

Анализируя услышанное, пришлось прийти к неутешительному выводу- судьба торгаша в эпоху тотального дефицита не завидна. С одной стороны- Прасковья, с другой Бакман, с третьей пожарники и прочие бдительные, сверху устрашают директивные органы. Коллектив ещё....

– Не раскисай, коллега, ты своими замами манипулируй, но с народом будь как отец. Пусть они, сердешные, твякают, а если все лаять начнёте, тебя же и покусает. Шеф представлял тип виртуозного руководителя, сравнимого даже не с дирижером, а с композитором, умеющим составить из разрозненных нот мелодию, по сложности соответствующую высоте иерархической ступеньки, на которой он в данный момент находился. Но, как часто случается, имел слабости, не чуждые талантливым, артистическим натурам и потому периодически скатывался вниз. Надо отдать должное, не делая из этого трагедии: с той же лёгкостью следовало движение в противоположном направлении. Сдружившись в дальнейшем с Осетровым, я узнал многое из сложной биографии Бориса Евгеньевича и, если бы возвратно-поступательный характер его служебных перемещений приобрёл постоянный вектор, то шеф вполне мог вылететь за пределы солнечной системы.

Глава 3. Сметана молодая не созрела и ввела в заблуждение!

Как советовал патрон, я подружился с Ольгой Васильевной, но «копеечек» у меня от этого не прибавилось. Занимался рутинными делами: товарными отчётами, мясо рубил на пару с Иваном Васильевичем, коллектив воспитывал. Руководил! Вроде, всё получалось, кроме одного- не осмеливался вступать в близкий контакт с покупателями, ощущая непонятное чувство вины за право распоряжаться недоступ-

ной простому смертному товарной массой. – Сергей Ильич, в зале мужик скандалит- зовёт директора- Непряхина, стоя в дверях развела руками, зная о моей неприязни к территории по ту сторону прилавка. – От меня чего ему надо, вас мало? – Понятия не имею. Уронил очки в свой бидон со сметаной и заладил, как заводной- не уйду пока с главной не поговорю. Думал, что вы женщина. —

В молочном отделе нас ждал длинный костлявый субъект, близоруко изучающий поверхность сметаны. Перегнувшись через прилавок, я тактично потрогал исследователя за плечо.

Я учитель истории-, представился тощий с гордостью. – Не уловив исторической связи с происходящим, я пожал руку педагогу и с облегчением хотел удалиться. —Постойте, вы можете объяснить, почему мои очки провалились в сметану словно в воду, только фонтанчик заметил! – Вы намекаете на необычно жидкую консистенцию продукта, учитель? – Не намекаю, а утверждаю- сметана разбавлена! – Такое оскорбление мне наносили первый в жизни. —Товарищ, вы не правы! Сметана молодая не созрела и ввела в заблуждение, выпад в адрес сметаны отношу на ваше незнание товароведения молочных продуктов. Бегите быстрее домой и пока она не загустела вытаскивайте очки. Вам скоро станет стыдно за свои слова. И потом, они упали с очень большой высоты- и математиком не нужно быть, знаний историка хватит, чтобы понять с какой силой очки вошли в сметану!

Ольга Васильевна, клиент плохо видит, проводите его до выхода. Оставив озадаченного подслеповатого, я прошел в холодильник с целью проверить качество молочного продукта и сравнить с проданным худосочному шкрабу.

Органолептический анализ поступившей сметаны подтвердил сомнения любимца ребяташек- одну сорокакилограммовую флягу мой шустрый заместитель превратил, по меньшей мере в три. В той, которую изучил я- ложка стояла! Васильевна прибежала следом и напоявила собаку, виновато виляющую хвостиком. – Как это понимать, товарищ Непряхина? – Она по-настоящему разозлила. Старая торговка оживилась и достала толстую пачку мелких денег. – Возьмите, Сергей Ильич. От многого немножко, не воровство- делёжка! – Не надо, Борис Евгеньевич вызывает, вернись поговорим.– Вы ему не скажете? – Обернувшись, встретил умоляющий взгляд и загадочно удалился. Она ждала моего возвращения и моментально возникла на противоположной стороне разделяющего нас стола. Такой жалкой Ольгу Васильевну не видел никто. —Забудем инцидент, но.... Беседу прервал деловой мужик с накладной- привёз вино, при его приёмке обнаружилось отсутствие семи бутылок- оказалось, как раз норма боя в пути. – А где раз разбитая посуда? – Ольга развела руки – аккуратно довёз- его! – Пока составляли акт на «разбитие», в винном отделе выстроилась беспокойная очередь. Бурно обсуждалось качество напитка, которое знатоками определялось исключительно крепостью

и ценой. Эти параметры должны находиться в обратно пропорциональной зависимости. Чем больше первый и меньше второй, тем потребительские свойства содержимого выше. В данном случае народ выражал одобрение.

Иван Васильевич под наблюдением сотни нетерпеливых глаз затягивал крючком ящики в зону продажи. Бутылки при колыхании издавали нежный малиновый перезвон, лаская слух замершей в напряжении толпы. Вид у Ивана, от осознания миссии особой важности, был значителен и серьёзен. В отдел поставили бойкую на язык Нюру и хмурую коренастую Клавдию Пантелеевну, обладательницу тяжелого взора и не менее увесистой руки, силу которой испытали некоторые ребята. Распродажа началась сразу в ускоренном ритме. Публика была нетерпелива, продавцы деловиты и сноровисты. Заполучившие желаемое, удалялись быстрым шагом спешащих по очень важному делу людей. НО очередь не уменьшалась, наоборот, её голова надувалась, как мыльный пузырь, от прибывающих не организованных товарищей, что вызывало справедливый гнев арьергарда. Атмосфера становилась предгрозовой, раздались первые звуки матерного грома. После особо сильного раската Клавдия Пантелеевна вспомнила о своей принадлежности к женскому сословию и погрозила толпе кулачищем, что охладило пыл ещё не успевших вкусить, а потому не утративших инстинкта самосохранения джентльменов. Пантелеевну уважали и временно наступило затишье, вскоре снова нарушенное боевы-

ми отрядами уже откушавшей, но не утолившей жажды клиентуры. Эти действовали напористо и без компромиссно. Напряжение разрядил диалог двух соискателей истины/истина в вине, говорили древние и потомки с неиссякаемым упорством ищут её/. Гражданин, отмеченный печатью административной значительности, истомившись пребыванием среди неуправляемой аудитории, что уязвляло начальственное самолюбие, углядел своего токаря, лезущего без очереди и раздраженно сделал замечание в адрес обнаглевшего пролетария. —Васюков, ты бы в цехе так в передовики пробивался! – Реакция возбуждённого Васюкова на, в общем, дельное замечание обескуражила командира производства. —Никанорыч, падла рябая, дать бы тебе по рылу! – Побитое оспой лицо Никанорыча, не ожидавшего такого демарша со стороны скромного труженика, покрылось негодующим румянцем, но полемизировать в обстановке далёкой от кабинетной он мудро воздержался. Возмездие оскорбителю последовало неожиданно.

В магазин вошел высокий мосластый парень лет тридцати, верхние пуговицы его рубахи были небрежно расстегнуты. На мускулистой чугунной груди сидел вытатуированный орёл. Нахальные синие глаза, волнистая челка на лбу, не измученном раздумьями, в сочетании с ни разу не глаженными штанами и растоптанными башмаками неимоверного размера, позволяли сделать вывод – в рядах Кпсс детина не состоит. Добрый молодец решительно направился к раздувшему-

ся от многочисленных желающих достигнуть прилавка изголовью очереди. Васюков, шустрящий как мелкая рыба в заманчивой зоне, утратил бдительность под впечатлением победы над начальством и, ненароком оказался на пути верзилы. Не имея возможности в толчее его обойти, богатырь выдернул преграду словно морковку из грядки и переставил позади себя. Оскорблённый в лучших чувствах подчиненный рябого, вцепившись в брюки, хозяин которых так унижительно поступил с ним, попытался восстановить статус кво не учтя, что дело имеет не с Никанорычем. Парень молча отвесил токарю ленивую оплеуху, под её воздействием мастер резца и повелитель шпинделя вылетел из очереди и затих, позабыв о цели своего визита. Спокойно подойдя к прилавку, ибо никто не хотел присоединиться к обеспамятевшему Васюкову, гражданин приобрёл четыре бутылки портвейна, опустил их в бездонные карманы и не спеша удалился. Наконец, настало время окончания торговли спиртным, установленное властями. Большинство сознательных граждан сокрушенно разводя руками потянулось к выходу, но были и не согласные, выражавшие возмущение.

Нюрка с Клавдией Пантелеевной, привычные ко всякому, с помощью Ивана Васильевича стали невозмутимо выдвирать остатки вина в складское помещение, никак не реагируя на тоскливые взгляды «советских покупателей», не угомонившихся в отличии от Васюкова. — Сейчас сюда припрутся, — со знанием дела сказала Непряхина. И точно, не успела

она рта закрыть, как в дверях появилось с десятков агрессивных личностей. Одна из них, самая активная, поведала о дне рождения, который совпал с прибытием портвейна в наш магазин. — На этом твоё везение закончилось, товарищ! — Ольга Васильевна ледяным тоном остудила разгоряченную голову именинника. — Вы чё, не русские? — Напирал неопрятный дядя с мокрыми брылами, заполнив помещение вонючими перегоревшими парами. — Советские мы! — Ольга вдруг подскочила к предводителю и с применением физической силы ловко выперла его за дверь, громогласно скомандовав обезглавленной массе. — Милицию ждете? Быстро очистить кабинет! — Лихо! Вы не офицер запаса? — Она пренебрежительно показала на дверь, — эти жиденские попались. Бывают орехи тверже, но ничего- раскусываем.

Подобные ситуации заставили меня задуматься о способах нейтрализации вздорной Прасковьи и беспардонных ребят, которые в состоянии недопития представляют социальную опасность. Решил начать с бабушки. Вызвав Ольгу Васильевну и Дарью, предложил им проверить насколько безгрешен наш злой гений. — Сделаем вот что. Когда старуха припрётся, утяжелите её покупку, взвесьте в два раза больше. — Женщины поначалу ничего не уразумели, столь сильно была развита профессиональная привычка «отпускать» не исходя из допуски плюс-минус, а исключительно минус. — Зачем? У меня рука не поднимется- Дарья непонимающе пожалла плечами. — Посмотрим на её реакцию Дарья Леонидов-

на. – Это называется проверить на вшивость, – подытожила заговор Непряхина. Через день «объекту» вручили пакет конфет тяжелее на пол кило. Бабуся по привычке проверила массу на контрольных весах, подозрительно понюхала содержимое и впервые ринулась не к книге жалоб, а к выходу, но уйти ей девушки не позволили. Сомкнув круг, они не давали чертовке ускользнуть и высказывали в не корректной форме всё, что думали о её моральном облике. Громче всех неистовствовала Дашка. Послышался звук звонкой затрещины. Воистину, женский гнев не знает предела! Пора вмешаться. Я направился к неистойой кучке. Несчастливая, увидев мужчину, облачённого во враждебную униформу, подумала о неминуемой гибели. Страх придал силы старческому телу и протаранив цепь молодых фурий, Прасковья навсегда исчезла вместе с конфетами.

С одной задачей покончено, на очереди стояла вторая. В памяти возник богатырских статей пожиратель портвейна. Иван Васильевич не мог не знать лучших людей посёлка. Я завёл с ним разговор на интересующую тему. – Ты не устал на работе, поди заездили бабы? – Кручусь помаленьку, а чё оклад прибавить хочешь, Ильич? – оживился второй директор /так называли Ваню в народе/. —Видно будет, а пока помоги отыскать парня, который недавно покупал портвейн без очереди, у него ещё орёл на груди —Зачем он? – Помощника тебе хочу взять, доволен? «Второй» поскуцнел. Ему не улыбалась перспектива сдавать позиции незаменимо-

го хвата по части виртуозного разруба мясных туш, починки тары и других, сугубо мужских обязанностей, которые он выполнял на правах представителя сильного пола, вызывая восхищение в очах прекрасных дам. Возражать против Мити Иван Васильевич не решился, так как их формальное половое равенство не предопределяло идентичности возможностей. – Рад, вижу – не благодари! Когда появится- подскажи, не заставляй самому искать, -Ванька шмыгнул носом и кисло согласился. По прошествии получаса возникла Непряхина: -вы, Сергей Ильич, хотите Алелюхина в магазин взять? Мы по миру пойдём, он сидел! —Надеюсь парень не расхититель социалистической собственности? – За членовредительство отбывал. Но ведь оттуда! – Не уступала Ольга Васильевна. – И какие члены повредил Митя? —Вроде пьяные привязались к нему, ну, и попали в реанимацию. -Не понимаю вашего страха. У магазина членов нет, а Митька двух Иванов заменит.

Признаться, по мере укрепления позиций, я стал с раздражением поглядывать в сторону умной, властной Ольги. Вот и сейчас она пытается отменить моё решение, такое случилось и раньше. Коллектив принял нового директора, противодействие, хотя и не явное, исходило только от Непряхиной. И Ванька подгаживал иногда. – Что ж вы главный-, но взгляд её говорил о другом. Расстались мы холодно. Через несколько дней «второй» сообщил о появлении Мити, тот покупал «Беломор». Я пригласил членовредителя в кабинет,

сговорились быстро. Вскоре Алелюхин влился в нашу дружную семью и стал выполнять функции грузчика и защитника униженных и оскорблённых. С его приходом позиция незаменимого Ивана приобрела второстепенный характер.

Глава 4- Будем все Какашины.

Экспедитор Шмелёв, приёмщик стеклотары Сидоркин и мастер по ремонту холодильного оборудования Какашин составляли ядро интеллектуального потенциала нашего торгового предприятия. Все трое были отставными военными. Шмелёв обладал умом государственного деятеля и любил поговорить на экономические темы, при этом удивляясь – почему действия правительства не совпадают с его взглядами на проблемы народного хозяйства. Особенное негодование вызывали расхождения в аграрной концепции. Сидоркин – сухощавый, импульсивный, приятной внешности мужчина баловался на досуге стишками, единственными слушателями которых были Какашин с правительственным оппозиционером, да с некоторыми пор и я получил доступ в узкий круг местных эстетов. Родион Севастьянович Какашин не имел ярких способностей, но разговор мог поддержать на любую тему: сведениями располагал из всех сфер человеческой деятельности. Обычно он бывал молчалив и скромн в отличии от сотоварищей. Характер у него был мягкий, душа нежная и ранимая. В лице Родиона Севастьяновича собеседники получали признание своих талантов и одновременно доброжелательного оппонента. Служебные обязанно-

сти в сфере гражданской деятельности друзья выполняли превосходно. У отставников, Ваш покорный слуга, пользовался авторитетом, как человек начитанный, правда, в перспективе подумывая влиться в славную когорту коммунистов/по совету Бориса Евгеньевича/ не претендовал на обладание всеми знаниями, накопленными человечеством.

Холодильщик был старым холостяком, жил один и его квартира являлась местом уединения друзей, где они могли без помех насладиться обществом друг друга. Иногда, конечно, идиллию нарушали подруги жизни женатых клубменов, но мужская дружба, тем не менее, трещин не давала. Так, за пивком, а когда и за более серьёзными напитками, мирно беседуя, коротали время. Сегодня собрались послушать новое произведение Сидоркина. — Не тяни, Алексей, читай, — уговаривал Шмелёв, не забывая отдавать должное «Жигулёвскому» и приготовленной Какашиным закуске, чем, впрочем, увлёкся и поэт. Наконец, оторвавшись от пивной кружки, приёмщик тары начал:

Идя на пункт приёмки тары
Друзья, я думаю о вас
И, выражаясь по-морскому,
Меня ведёт туда компас

Да нет, не тот с магнитной стрелкой
А тот, что у меня в душе
И, следуя советам мудрых,

Я потихоньку «поспеше».

А там уж ждут меня клиенты,
Как на приёме у врача-
С той разницей, что в их посуде
Было вино, а не моча

Твои клиенты и мочу выпьют, лишь бы с ног валила, -
перебил терзаемый противоречиями Шмелёв. - Не кощун-
ствуйте, экспедитор, – отвечивал быв-ший капитан вто-
рого ранга и продолжил:

Толпа стоит вся в ожиданьи
Шум, разговоры прекратив
В надежде обратить бутылки
В живительный аперитив
Халат, как доктор, одеваю
Очками зренье укрепив,
Со знаньем дела изучаю
Предмет, полученный от них
Приём веду принципиально,
Изъяны быстро нахожу
На возраженья отвечаю-
Коль не согласны- ухожу!
Забив бутылками ячейки,
Раздав все деньги до копейки,
Исполнив долг перед народом,

Иду домой- баланс свожу.
Вот и покончено с цифирью.
Смотрю на «вечное» перо
И философские раздумья
Ложатся рябью на чело.
В земной юдоли, что имеем?
Зачем Господь нас породил?
Пол жизни в армии тупеем,
Остаток головнёй чадим.
А так хотелось разгореться,
Хотелось в полный голос спеть,
Увы, судьба заставила матроса
Пустою тарою греметь
Одна отрада- здесь собраться,
Забыть суетные дела,
Раздумий грузом обменяться,
С Какашиным попить вина!

Наливай, Севастьяныч, дружище! – растроганный Родион набулькал водки, которую, чокнувшись, синхронно выпили. Действительность не баловала яркими впечатлениями, а потому вирши Сидоркина воспринимались, как белое пятно на чёрной собаке. Пойти в нашем захолустье никуда не хотелось, да и некуда, один способ отвлечься от прозы жизни- собраться на кухне и всласть поговорить. Это развлечение на Руси приобрело национальный характер. Закусили, чем Бог послал: окорочком, селёдочкой, колбаской. Картош-

ку сварил хозяин, грибы солёненькие здесь всегда водились – не изысканная трапеза, но вполне на уровне. Работа в торговле позволяла экспромтом соорудить стол без хлопот. К своему хобби автор относился снисходительно, сочинял исключительно для узкого круга друзей, а они с благодарностью внимали и поднимали тосты в честь сочинителя. Обсуждения протекали в товарищеской атмосфере, все радовались возможности побеседовать на тему, далёкую от повседневных забот и тягот. Но действительность упрямо не отпускала и разговоры не заметно сворачивали в русло «текущего момента». – Молодец, Алексей, живописал технологию приёмки бутылок, а доставку грузов сможешь? – Попробую, Шура, – и «капвторанг» удалился в комнату – творить.

– Помню первый раз поехал за субпродуктами, – экспедитор наполнил свою рюмку и под впечатлением воспоминаний, с обречённостью запрокинул белобрысую голову и одним махом проглотил водку. – О субпродуктах никакого понятия, никого не знаю. Смотрю загружают, по моему разумению, что-то не съедобное. Это что? – Спрашиваю – Субпродукты! – Припёр я их полную фуру, а ваша предшественница, Сергей Ильич, казалась интеллигентной, обозвала меня мудаком в погонах. – А чего ты привёз? – Полюбопытствовал Какашин. Шмелёв, под влиянием выпитого оскорбил тихого, обходительного хозяина нашей пирушки. – Этому грузу можно дать твою фамилию, хотя, – нашёл силы исправиться Шура, – насколько она соответствует ему, настолько ты

не соответствуешь ей. А привёз я хвосты и уши. Что у нас за народ! Так и норовит объегорить- Вот и Алексей, – я прервал причитания экспедитора. Сидоркин, глядя в листочек, прочёл с выражением:

Народ стоит, кошель сжимая,
Взгляд вперив в тёмный горизонт
Старушка внучку охраняя,
Над бантиком раскрыла зонт

Но вот со стороны столицы,
Плюя на адскую грозу
Быстрее самой быстрой птицы
Везёт, кормилец колбасу.

Пусть нет уже сейчас заслонов
И белых нет и нет зелёных,
Но верьте мне каких препонов
Пришлось преодолеть ему!

Солдата скромного труда
Не всяк поймёт во всём масштабе,
Но за съедобные дела
Господь узрит его в параде!

Не понимает, что творит,
Но в этом святость и сидит!

Напоминает он Христа
С его хлебами у креста.

Компания оживилась. Я предложил выпить за славные дела добытчиков еды и посожелел о невозможности введения всенародного выходного дня экспедитора. – Было бы справедливо, – возразил Шмелёв. —Шура тебя, как доменную печь нельзя останавливать, подвоз пищи процесс непрерывный, его прервать может только гибель героя. – Не издевайтесь, поднимем бокалы за милейшего Родиона, он больше всех заслуживает внимания. Люблю тебя, Севастьяныч, будь здоров, дорогой! -Мы с Сидоркиным присоединись к экспедитору. Передумав обижаться, осушил и Какашин.

Раскрасневшийся мастер охлаждения продуктов, обычно молчаливо внимавший собеседникам, вдруг подал голос. – Я иногда задумываюсь- почему люди такие варвары? Животные умнее! – Извини, – вклинился Шмелёв, – зверьё по сравнению с хомо выглядит джентльменом. Я слышал о горных баранах, которые в битве за овцу дерутся по правилам. Представляете? Один баран становится на краю обрыва, другой со всей дури врывается ему в башку. И так по очереди. Заметьте, стоящий на краю не отскакивает в сторону, что сделал бы сапиенс. И добавил- после вас, баран! – Александр, займись закуской, дай договорить Родиону, – поэтическая натура моряка противилась беспардонным, правда, не лишённым истины взглядам прямолинейного экспедитора. Какашин, прожевал грибок и продолжал, – мне думается- че-

ловек особый продукт природы или чего-то другого, а чего-сам не понимаю. Дело в том, что он не вписывается в её организм. Значит мы тут инородцы. Или паразиты? Пришельцы с другой планеты, которых высадили, как преступников, на необитаемую в те времена Землю? – Какашин с непривычки подолгу находиться в центре внимания покрылся росинками пота и мне стало его жалко. Родион вытер влажный лоб цветастой тряпкой, заменившей ему платок.

Может на самом деле, Землю приспособили под космическую тюрьму, а мы преступники, осуждённые на разные сроки заключения? Смерть и есть освобождение? – Я решил подлить масла в огонь полемики. – Если про острог верно, мы сидим в особо режимном, согласился Шура. – Наши фантазии в незнании и попытке хоть как-то объяснить неведомое, -посерьёзневший Сидоркин потёр чело, подёрнутое философской рябью. Мы, участники существующей системы, ограничены её правилами и живём по её законам, оставаясь индивидуалистами. Государства возникают и исчезают. Законное при царе Горохе карается смертью при политбюро. Любая система обречена и палачом становится её мятущийся представитель. Человек одинок. Где желанная гармония между личностью и обществом- не известно. Люди противоречивы. Не могут друг без друга, но и в толпе тошно. Парадокс- в обществе жить не нравится, а без него скучно! Представь, Родион, – все почему-то обращались к давно замолчавшему Какашину, – Земля вдруг обезлюдела. Всё

твоё! И променяешь ты это, Родион, на одного представителя рода человеческого, желательно противоположного пола. —И начнёт канитель сначала. Адам, Родион- какая разница. Будут все Какашины! – встрял ядовитый Шура. – Погоди, – отмахнулся Сидоркин, – когда люди преодолели конфликт между я и мы никому не ведомо. Удивительное в самом человеке. В его стремлении к свободе и, заметь, Севастьяныч, в рамках, именно в рамках общества, что само по себе парадоксально. Противостояние бесконечное- собственная баба стремится взнудать, чего уж говорить о других. —

Раздался звонок в дверь. Моряк замер с открытым ртом, все испуганно притихли. – Вспомнил! -Шмелёв торопливо налил стопку, предположив, что она последняя. – Пойду открою, – Какашин был храбрым человеком. Из прихожей раздалась отнюдь не до боли знакомые голоса жен присутствующих. – Родион Севастьяныч, пусть у вас Верочка побудет, я за молоком выскочу. – О чём речь, Ниночка, – хозяин предпочёл женам друзей Верочку. Он вернулся с кругленькой, весёлой девочкой. —Соседка за дочкой присмотреть попросила, иди в комнату, дитяtko. Компания оживилась, как свойственно людям счастливо избежавшим опасность, связанную с жертвами. Шмелёв, позабыл о страхах и уже разливал. Выпили с особым удовольствием и активно занялись закуской.

К нам пришла заметно поскучевшая Верочка, подтверждая теорию Сидоркина о свободе индивидуума, лишённой

смысла вне общества. Ей хотелось находиться в коллективе и внимания с его стороны, но мы налегли на закуску, не замечая маленького человека. Обиженная детка решила напомнить о своём присутствии, – дядя Родя, мы вчех с мамой были у бабушки и мне полая в рот пушинка от шайфа и меня выйвало! -намекнула начинающая дама на наше обжорство. – Какое нежное горлышко, – сделал комплимент Какашин. —Пьявда, знаете, как дьяло! – Мы очумело уставились на малышку. Молчаливую сцену нарушил практичный экспедитор, – на вот бутерброд с колбаской, он без пушинки, иди кушай в комнату.– -Ядно, а как тебя звать? – Дядя Саша. —Я пошьа, буду там пьятаться, а когда кьикну, ты иди искать, – и, топая толстенькими ножками, девочка убежала. —Вот ведь, маленькая баба, а закрутила, запутала- о чём говорили забыл. Выйвало её, понимаешь. – Это ребёнок! -, заступился Какашин, так и не познавший отцовства.– Кричит! Иди ищи. – Шура отправился на поиски, прерванные возвращением Ниночки. Она увела упирающуюся девочку, обнаруженную в постели Родиона Севастьяныча, благоразумно приготовленную загодя для отхода ко сну. Наши посиделки заканчивались далеко за полночь. -Ваше словоблудие ничего не стоит, – нащупал утраченную нить беседы Шмелёв, пропитанный диссидентским ядом. – Пляшите не от той печки. Ваша пляска начинается от человека, а нас в лупу разглядывать надо. – Он разлил остатки водки, чем и завершил мероприятие. Разошлись по домам, оставив Какашину завален-

ный обедками стол.

Глава 5. Шеф удивлял неожиданностью решений.

Следующий день в магазине был санитарным. Предстояло всё перемыть, протереть, заглянуть в каждый угол и навести идеальный порядок. Женщины переодевались в старые халаты, вооружались ведрами, тряпками, делили территорию на зоны уборки и по-домашнему принялись за работу. Я занялся исследованием всевозможных закутков, которые могли остаться незамеченными. Начал с женской гардеробной-обычно люди не обращают внимания на происходящее под их собственным носом и устремляются в заманчивую даль. Особенно удивляют рыбаки. Часто мне приходилось наблюдать смешную ситуацию на железно дорожной станции: чужие вылезают из вагона ловить нашу рыбу, местные садятся на ещё не остывшие от задов коллег места и едут обратно ловить ихнюю.

Обследование закончилось неожиданно быстро. Придирчиво отмечая элементы беспорядка, я вдруг набрёл на Дарью Леонидовну и с откровением скажу- исправлять такую девку только портить. Она стояла перед зеркалом в одних белых трусиках и не смутившись уставилась на меня, не пытаясь прикрыться. Вобразите мои ощущения /лучше всего это бы сделал зверёк, загипнотизированный удавом/ при виде её смуглого тела. Возбуждающие линии бёдер, обтянутые тонким хлопком, с ярко выраженной затемнённой выпуклостью

посередине, стройные нежные ноги, узкая талия и бесстыже обнаженная красивая грудь с восхитительными сосками возмутили моё мужское естество. – Хожу, проверяю, – произнести большее фантазии не хватило. – Ну, и как впечатление? – поинтересовалась девушка. С ужасом почувствовав, что в штанах мне стало тесно, спиной извинился и оставил помещение, а нём частичку административной спеси.

В мужскую раздевальню я идти не рискнул из боязни застать Василича в неглиже. Потянуло на воздух.

Во дворе возились грузчики: Алелюхин ремонтировал ящики, женщины под началом Ивана углубились в недра сарая, где хранились мешки, прочая тара и ютились бездомные кошки. Ольга Васильевна с Колупановой занимались очисткой окрестностей от скверны, к ним и я счёл за благо присоединиться. Не требующее большого воображения занятие охладило пыл и усмирило плоть. —Здравствуйте, дамы, – подошёл начальник, а господина я уведу. —Борис Евгеньевич, куда же вы, поговорите с нами, – защебетали мои заместители, всем своим видом показывая исключительную преданность и любовь. Глядя на женщин, можно было только удивляться- как они переносят даже кратковременную разлуку с руководством!?! – Спешу, товарищи, в другой раз, – Осетров жестом пригласил меня следовать за собой и направился к магазину. В кабинете патрон тактично сел за приставной столик, подчеркнув, что он в гостях. – Вот лисичы, а за глаза зовут лысым Борисом, – Начальник равно-

душно констатировал дамскую двуликость. – Неси пиво скорее и к нему чего-нибудь. Голова сегодня не того. – По-льщённый доверием, нарезал колбаску, сыр, ветчину и поставил несколько бутылок «будвара». – Не то, давай наше, без консервантов. – Заменял на «жигулёвское», наполнил хрустальную кружку, в которую с жадностью впился Борис Евгеньевич и тут же осушив вторую, стал неторопливо закусывать. – Поддержи начальство, так сказать, для соучастия. – После «вчерашнего» выпил с не меньшим энтузиазмом, хотя до этого на работе спиртным не баловался, дабы не вводить в соблазн подчинённых. Свежая, ароматная ветчина возбуждала аппетит, равно, как и вид запотевших бутылок и мы с начальством рассиделись. Внезапно в дверях возникла Непряхина, – может вам креветочек отварить? – с видом гостеприимной, всё понимающей хозяйки предложила вездесущая «сметанница». — Завершаем. Вы там, поруководите, Ольга Васильевна, а я с директором ещё поговорю, — не совсем любезно отделался от неё Осетров. – Да, Серёга, чуть не забыл, вечером в головном Орсе гуляем с ночёвкой на юбилее конторы, традиция. Кого возьмём? – Я в недоумении пожал плечами. Безапелляционный тон шефа, ехать или не ехать, выбора мне не давал, это следовало из самого предложения. – Прихвати алкоголя, еды на столах будет много. – Всё наше командование будет, заодно и познакомишься. —

Начальник, похоже, задался целью подготовить из меня себе замену, раскрывая, как бы между прочим, нюансы руко-

водящего труда, оставаясь в прежнем положении отъезжающего. – Всё понял, кроме одного. Кто ещё поедет? От состава зависит количество и качество напитков-. Борис Евгеньевич начал задумчиво перечислять претендентов. – Ну, комсомол, профсоюз. «Партия» занедужила- в больнице лежит, сегодня навестил. Зама моего – Маргариту, на такие мероприятия брать опасно: завтра весь свет узнает какая она хорошая, а мы с тобой забулдыги. Ещё и мужа потянет- типа препаскуднейшего. Едем вчетвером- подвёл черту патрон.

Я сообщил жене о предстоящей командировке и пригласил Ольгу Васильевну- при всей своей вздорности язык за зубами она держать умела. —Сделаю, Сергей Ильич, – повоенному ответила советская женщина- чай не для американцев! – Через пятнадцать минут передо мной стояли две коробки с коньяком, пивом и закуской. Прикинул- тянет на сумму! – У меня на эту снедь деньжонок не хватит. – От многого немножко, не вор.... —Не продолжайте! Магазин оставляю в ваших надёжных руках. Кстати, завтра смену Колупановой передаёте, надеюсь всё удачно пройдёт? – я глазами показал на коробки. – Не сомневайтесь, будьте спокойны! – Ольга исчезла за дверью. Судя по её решительному затылку, с непоколебимой верой восполнить утраченное.

Я стал ожидать вызова к начальнику с некоторым волнением: секретарем комсомола была Дарья. Перспектива оказаться с ней вместе в обстановке, благоприятствующей сближению, вызывала смятение и двойственное чувство запрет-

ного плода, который хочется съесть, впишись в вождественную мякоть, но мораль не позволяет. Положившись на обстоятельства предоставил событиям развиваться своим ходом.

По призыву Бориса Евгеньевича, собрались в конторе. Я, Дашка и председатель месткома, товаровед Маленкова Галина Аркадьевна- тридцати с небольшим лет дама, закалённая на нелёгком профсоюзном поприще, но не утратившая привлекательности. Шеф умел подбирать приятных работников, исключение составляла Маргарита Сидоровна /она была чьей-то, родственницей/, но обладала феноменальной усидчивостью и «тянула» всю документацию, а возиться с бумажками Осетров терпеть не мог. – Выезжаем без помпы в столовую «Заходи- гостем будешь!», ожидаете на конечной остановке автобуса точно в три часа, – скомандовал патрон. Девушки удалились готовиться к празднику.

Чего они мужьям скажут? – меня мучили сомнения. – Ты этим голову не забивай. Женщины в таких делах народ изощрённый, порукой тому опыт рода человеческого. Если баба хочет, препятствовать ей пустые хлопоты. Так мир устроен-самка выбирает, самцы добиваются благосклонности. Хотя, внешне большинство представителей сильного пола в дикой природе на много привлекательней, а самочки серенькие, скромные- стоят в сторонке, косят глазками и наблюдают за дракой красавцев, из которых шерсть клочьями летит. У наших самок способы определения достоинств самцов, слава Богу, не такие варварские. Кстати, у тебя костюм-

чик попримечнее имеется? – К сожалению, он у меня один, не нашёл. Ничего, Серёга, не спеши, всё со временем придёт, а пока подберём, что нибудь из моего гардероба. Только не обижайся, поехали ко мне. Шеф удивлял неожиданностью решений и быстротой их исполнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.